

Дискурсы этики. 2025, 3(27): 79–100

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2025/12/DE2025_3_27_79-100.pdf

DOI: 10.24412/2311-570X-2025-3-79-100

УДК 172, 174

НОВАЯ ЭТИКА РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СВЕТЕ ГЕГЕЛЕВСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ ГОСПОДИНА И РАБА

Астапов С. Н., Бойко П. Е., Зотова И. В., Углева А. В., Фетисов С. Д.

статья:

поступила в редакцию 21.10.2025

принята к публикации 26.11.2025

опубликована (онлайн) 23.12.2025

© Астапов Сергей Николаевич

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии религии и религиоведения Института философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
адрес для корреспонденции: snastapov@sfedu.ru

© Бойко Павел Евгеньевич

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, теологии и религиоведения, заведующий кафедрой, руководитель отделения философии и теологии факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия
адрес для корреспонденции: pboyko@mail.ru

© Зотова Ирина Викторовна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, теологии и религиоведения Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия
адрес для корреспонденции: ivzotova1@gmail.com

© Углева Анастасия Валерьевна

кандидат философских наук, PhD, доцент, профессор Школы философии и культурологии, ведущий научный сотрудник Лаборатории критической теории культуры Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия
адрес для корреспонденции: augleva@hse.ru

© Фетисов Сергей Дмитриевич
кандидат экономических наук, собственник ООО «Мысль» (Мастерская Смыслов),
Краснодар, Россия
адрес для корреспонденции: sd.fetisov@gmail.com

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация: В данной статье осуществляется философское осмысление актуальной задачи формирования новой этики российского предпринимательства через призму гегелевской диалектики господина и раба. В рамках этого подхода авторы проводят анализ сложного процесса становления предпринимателя-патриота как субъекта действия, способного осознанно преодолевать фундаментальное противоречие между частным экономическим интересом и стремлением к общественному благу. Рассматриваются философские, социокультурные и духовные аспекты развития современного предпринимательского сознания, формирующегося в специфическом контексте современных российских реалий. Центральное место в исследовании занимает раскрытие диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности между государством и бизнес-сообществом. Авторы наглядно демонстрируют, каким образом именно через напряженное преодоление системных противоречий и поиск синтеза постепенно кристаллизуется новый тип хозяйственного субъекта. Этот субъект мыслит не только категориями прибыли и эффективности, но и категориями ответственности и патриотизма, долга перед страной и гражданской солидарности. Особое внимание в статье уделяется роли религиозного сознания, в частности, православной социальной этики, которая рассматривается как важнейший духовный фундамент и внутренний ресурс для становления добродетельного, нравственно ориентированного предпринимательства. Такой подход позволяет выявить мировоззренческие основы, на которых может быть построена новая, отвечающая национальным интересам модель взаимоотношений между бизнесом, обществом и государством.

Ключевые слова: новая этика предпринимательства, ответственное предпринимательство, диалектика раба и господина, всеобщее разумное мышление, предприниматель-патриот, религиозное сознание, добродетель, общественное благо, благонадежность.

Discourses of Ethics. 2025, 3(27): 79–100

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2025/12/DE2025_3_27_79-100.pdf

DOI: 10.24412/2311-570X-2025-3-79-100

A NEW ETHICS OF RUSSIAN ENTREPRENEURSHIP IN THE LIGHT OF HEGEL'S LORD–BONDSMAN DIALECTIC

Astapov Sergey, Boyko Pavel, Irina Zotova,
Ugleva Anastasia, Fetisov Sergey

received 21.10.2025

accepted 26.11.2025

published (online) 23.12.2025

© Sergey N. Astapov

Doctor of Philosophical Sciences, Head of Department of Philosophy of Religion and Religious Studies at Institute of Philosophy and Social and Political Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Correspondence to: snastapov@sfnedu.ru

© Pavel E. Boyko

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Theology and Religious Studies, Head of the Department of Philosophy and Theology of the Faculty of History, Sociology and International Relations, Kuban State University, Krasnodar, Russia

Correspondence to: pboyko@mail.ru

© Irina V. Zotova

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Theology and Religious Studies, Kuban State University, Krasnodar, Russia

Correspondence to: ivzotova1@gmail.com

© Anastasia V. Ugleva

Candidate of Philosophical Sciences, PhD, Professor at the School of Philosophy and Cultural Studies, Leading Research Fellow at the Laboratory for Critical Theory of Culture,

HSE University, Moscow, Russia

Correspondence to: augleva@hse.ru

© Sergey D. Fetisov
Candidate of Economic Sciences, Owner of «Mysl» LLC (Smyslov Workshop),
Krasnodar, Russia
Correspondence to: sd.fetisov@gmail.com

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: This article undertakes a philosophical inquiry into the pressing task of formulating a new ethic for Russian entrepreneurship through the lens of Hegel's master-slave dialectic. Within this framework, the authors analyze the complex process of shaping an entrepreneurial patriot as an agent capable of consciously overcoming the fundamental contradiction between private economic interest and pursuit of public welfare. The study delves into the philosophical, sociocultural, and spiritual dimensions of contemporary entrepreneurial consciousness emerging within the specific context of modern-day Russian realities. Central to the investigation is the elucidation of the dialectical interrelation and mutual conditioning between state and business community. The authors vividly demonstrate how it is precisely through arduous negotiation of systemic contradictions and search for synthesis that a novel type of economic actor gradually crystallizes. This subject thinks not only in terms of profit and efficiency but also in categories of responsibility and patriotism, duty towards the country, and civic solidarity. Special attention is given to the role of religious consciousness, particularly Orthodox social ethics, which are regarded as crucial spiritual foundations and internal resources for cultivating virtuous, morally oriented entrepreneurship. Such an approach allows for identifying the ideological underpinnings upon which a new model of relationships among business, society, and government can be constructed — a model aligned with national interests.

Keywords: New Business Ethics, Responsible Entrepreneurship, Master-Slave Dialectic, Universal Rational Thinking, Entrepreneur-Patriot, Religious Consciousness, Virtue, Public Good, Trustworthiness.

Родина нуждается в сильных руках и ясных головах, в людях, чьи поступки направлены на общие нужды, а не личные удобства.
В. Ключевский

Предпринимательская деятельность отражается противоречивостью и сложностью, притом что занятие ею содержит нравственный смысл. С одной стороны, предпринимательство преследует извлечение прибыли в качестве основной своей цели, что закреплено Гражданским кодексом Российской Федерации. Именно частный интерес и инициатива являются субстанциальной силой предпринимательства, понимание чего лежит в основе стратегических документов государства. Так, например, Национальным проектом «Эффективная и конкурентная экономика», реализуемым с 2025 по 2030 годы, поставлена цель «обеспечить устойчивое экономическое развитие, основанное на конкуренции, *предпринимательстве*, в том числе высокотехнологичном, и *частной инициативе*» (курсив наш. — С.А., П.Б. и др.) [6]. С другой стороны, занимаясь реализацией личных замыслов, идей и развитием собственного дела, предприниматели опосредованным образом развивают экономику страны, вкладывая ресурсы в создание новых рабочих мест, в развитие человеческого потенциала, инфраструктуры бизнеса, его технологизации и т.д., что не может не отражаться на благосостоянии общества и государства. И так как этот аспект их деятельности неизбежно связан с рисками личных потерь, которые в предпринимательской сфере являются более высокими *a priori*, то нельзя не считать таких людей патриотами, делающими «благородное» дело. На заседании наблюдательного совета Агентства стратегических инициатив в январе 2025 года Президент Российской Федерации В.В. Путин отмечал, что быть предпринимателем «патриотично» и далее: «Мы с вами понимаем, что здесь все наполняться должно конкретными делами: когда создаются новые рабочие места, когда

люди рискуют даже своими капиталами, чтобы прокладывать дорогу для технологического развития не только своей компании, но и экономики страны, и еще много-много составляющих», — «Конечно, это дело благородное» [4].

Принимая решение заниматься бизнесом, человек сознательно и ответственно заявляет о своей готовности отдавать личные ресурсы тому делу, без которого, хотя оно, безусловно, его собственное, затруднительным окажется рост экономики государства, в целом. Данные опросов ВЦИОМ отражают тот факт, что существует тип людей, обладающих способностью удерживать внутреннее противоречие между готовностью созидать, руководствуясь личными интересами и амбициями, и ясным осознанием угроз и препятствий данному процессу. Так, из 23% россиян, желающих начать свое дело, лишь 15% становятся предпринимателями [7], то есть преодолевают трудности бизнес-начинаний, справляются с проблемами становления, развития и стабилизации бизнес-процессов. Эти люди не изменяют своей цели, но вырабатывают стратегию и тактику, гибко управляют рисками и достигают результатов. Единство всех этих моментов отражает «благородство» предпринимательского дела, а именно рождает своей системностью то благо, которое становится результатом особой *добродетели* и связанной с ней системой ценностей, убеждений или же результатом особой этики — патриотичной по своему духу этики предпринимателя. Самим фактом избрания предпринимательства делом своей жизни, гражданин также формируется и как патриот. Патриотизм в этой связи следует понимать как результат развития особенного и частного до состояния всеобщего, имеющего общегосударственное значение и ценность. Иными словами, если выбор в пользу частного в своем результате имеет общегосударственное отеческое благо, то такой выбор по своей сути оказывается делом патриотическим. И «благородство» предпринимательства раскрывается в свете того, как частное становится таким личным делом, которое непринуждённо и свободно отражает своей живой и органической сутью дело общегосударственное и общезначимое.

Однако такое общее дело или сотрудничество государства и предпринимателя-патриота не организуется кем-то «сверху» одномоментно. Оно представляет собой итог взаимного развития сторон — то идеально должное, к которому они должны еще взойти путём выработки взаимопонимания, то есть через единство образа мыслей или единство духовного, преодолевшего в своем развитии конфликт, изначально лежащий в основе их взаимоотношений. Ведь частное и общее — категории, противоречащие друг другу, и нельзя закрывать глаза на то, что, положенные сами по себе, они взаимно друг друга отрицают. Вместе с тем в исходном тезисе настоящей статьи положено определение идеального образа предпринимателя, вырабатываемого в результате развития этого противоречия. Восхождение к такому идеалу требует как личностных трансформаций от индивидуума, взявшего его за основу и образующегося в соответствии с ним, так и снятия внешнего и абстрактного должноствоания этого всеобщего или его диктата по отношению к своей противоположности.

В изначально положенном и еще не развитом противоречии между предпринимательством и государством нельзя не усмотреть ту логику их взаиморазвития, которую некогда изложил Гегель, раскрыв ее как диалектику господина и раба и показав, что в действительности, конфликтующие стороны всегда делают одно и то же разумное и благородное дело. Но только пережив борьбу, пройдя все ее стадии, оказавшись в такой борьбе собственной противоположностью — тем, кого каждая из них первоначально абстрактно отрицала, стремясь сделать предмет собственной воли предметом воли иного, и, в конце концов, взойдя через такое взаимное отрицание ко взаимному единству, они начинают понимать друг друга, сознавая, что пережитое противоречие — неизбежный и необходимый момент в осознании ими их подлинных ценностей. Попробуем осмыслить такую диалектику, встав на позицию предпринимателя, который в борьбе за свое дело желает мыслить себя как патриота и берет на себя важную для государства миссию. Попробуем понять, как вообще сформируется дух такого бизнесмена.

Начнём с того, что, являясь частным лицом, в своих устремлениях к личным целям он не может избежать взаимодействия с другим, которое на деле обращается в противостояние и борьбу, в результате чего кто-то приобретает власть, а кто-то подчиняется. Один становится «господином», другой — «рабом» (в данном случае обе категории берутся в предельно широком, в том числе и метафорическом значении). В диалектике господина и раба каждая из сторон взаимодействия, каждое из самосознаний должно пережить опыт исполнения как одной, так и другой роли. И сознание предпринимателя-патриота будет формироваться, испытывая на себе каждый из этих духовных модусов. Первый является самостоятельным сознанием, сущность которого — его для себя бытие. Второй — сознание зависимое, бытие которого заключено в сущности другого. Господин требует служения ему и удовлетворения его потребности, раб же занимается производством того, чего желает господин.

С одной стороны, индивидуумы, вставшие на путь предпринимательства, нередко заявляют о том, что имеют место такие реалии ведения бизнеса, которые заставляют их быть рабами других субъектов взаимодействия — финансовых организаций, госструктур, отдельных представителей власти. В этих реалиях предприниматель должен производить свой продукт таким образом, чтобы он позволял ему удовлетворять также и интерес других лиц. Однако производимый предмет выступает тем, над производством чего всецело властвует производящий его раб, ведь именно он сосредоточен на нем, именно он оказывается его технологом и владеет уникальным знанием того, как производить следует. Таким образом, через предмет, без которого господин не может самостоятельно удовлетворить своей потребности, раб делает его зависимым от себя, то есть сам оказывается господином. Но раб еще должен осознать это и пожелать доказать господину, что тот вовсе не господин, а для этого должна произойти переоценка ценностей: служащее сознание должно столкнуться с противоречием между ценностью служения другому и собственной ценностью, которой до сих пор он еще не знал в должной мере. Происходит такое осознание через страх перед господином, который становится «началом мудрости» [3, с. 105] раба. Это должен быть

абсолютный страх «за все свое существо», а не «некоторый испуг» [Там же, с. 106]. Иными словами, только тогда, когда раб оказывается у пропасти, в которую толкает пожирающий его сущность господин, он прозревает и постигает ценности самого себя, а также то, насколько последний от него зависит. Раб, таким образом, наконец, сознает себя желающим распоряжаться собой, то есть свободным. И это толкает его вступить в борьбу за собственное существо. Но и господин вынужден делать то же самое, поскольку его положение пошатнулось, и то, в чем он удостоверял свою господскую сущность, а именно служащее ему рабское сознание, вдруг стало превращаться в свою противоположность. Господин также испытывает страх потерять свое господство, и в этом страхе осознает свою зависимость от раба, то есть свое собственное рабство. Гегель комментирует данный этап взаимоотношений сторон так: «Отношение обоих самосознаний, следовательно, определено таким образом, что они подтверждают самих себя и друг друга в борьбе не на жизнь, а на смерть» [Там же, с. 101].

Однако оказывается, что и «рабство», и «господство» — понятия все же не вполне конкретные. Тот, чья сущность заключалась в служении, то есть раб, на деле удостоверял позицию господина. Приняв позицию раба, не борясь за роль господина, раб *сам* решил служить. Даже если его жизнь находилась под угрозой смерти, и он, испугавшись ее, сделал выбор в пользу жизни раба, это решение принадлежало только ему. И такое согласие стало его *позволением* другому быть господином, ибо раб мог и решить умереть, сделав выбор в пользу смерти, чтобы не дать господину получить желаемое. Сделав же выбор в пользу рабства, он определил для себя жизнь раба более ценной, чем ее утрату. Иными словами, тот, кого считали несвободным, и чья сущность состояла в удовлетворении воли другого, в действительности делает это свободно и добровольно. Следовательно, несвободы нет. Равным образом и свободы нет, ведь мы всегда должны делать какой-то выбор. Даже тогда, когда заявляем об отказе делать его, мы выбираем не делать выбор. Как утверждал Ж.-П. Сартр, человек обречен быть свободным. А значит рабства нет. Равным образом можно считать, что нет и господства. Когда некто

решает, будто он господин и даже выражает готовность доказать это ценой жизни другого или ценой собственной жизни, он нуждается в таком признании во что бы то ни стало. Господину требуется доказательство его власти, и он зависим от служения ему рабов. Он борется за статус господина, трудится, чтобы его не потерять, подавляет восстания не согласных с его волей, работает над тем, чтобы управлять рабами эффективно. И силы, потраченные им на сохранение этого признания, доказывают лишь его зависимость от раба и несвободу от страха потерять его. Таким образом, господин нуждается в рабе, и без него его господство невозможно. Но служение господину может достичь такой силы и власти, когда неспособность господина обойтись без раба даёт последнему основания диктовать первому свои условия. Так рабское сознание обращается в господское. Это отчетливо видно на примере слияния бизнеса и власти, когда укрепивший свои позиции предприниматель, переживший рабскую форму самосознания, обретает возможность и силу диктовать свои условия тем, от кого он прежде зависел.

Иными словами, позиции господина и раба сложно четко определить, поскольку каждая из них обнаруживает в себе определенность другой. Тот, кто смог понять такую диалектику господина и раба, в ходе которой выясняется, что оба и рабы, и господа хода вещей и обстоятельств, тот перестаёт видеть проблему в рабстве, или перестаёт пекся о том, чтобы стать господином, осознав относительность каждой из ролей. Становится сложным четко разделить эти позиции, и остается просто быть и действовать, сознавая необходимость выбора той или иной роли. Такая логика позволяет преодолевать абсурдность реалий, в которых действует каждая из сторон. Рабу может казаться, что бесконечность его частных проблем, борьба за то, чтобы делать свое дело, есть сизифов труд, которому нет конца. И отчаяние не даёт ему образовываться и познавать самого себя, рефлексировать свое состояние, чтобы, в конце концов, снять его конечность и относительность осознанием его же необходимости. А примирившийся с бременем рабства, ощутивший его в той мере, которая подвергла его существо риску полного уничтожения, прозревает и обретает способность идти до конца вопреки обстоятельствам

и абсурду реалий. Тот же, кто полагает, что абсурд ему не по силам, считает и невозможным для себя вынести его, поэтому он сдается. Такие люди мыслят здраво и линейно: А есть А, и А не может быть Б, то есть законами формальной логики. Тот же, кто способен мыслить не формально-логически и находить, что А может быть Б, равно как и что Б может быть А, то есть способен видеть противоречие и удерживать его в своем мышлении, делает невозможное возможным и в конечном счете побеждает.

Достигший в своем самосознании единения рабства и господства предприниматель, оказывается тем, кто на самом деле научился достигать единения частного и общего, личного и общезначимого, кто на деле примирил в своем самосознании раба и господина. Именно такой результат развития предпринимательского мышления делает его благородным и патриотичным. Предприниматель-патриот — не тот, кто готов, не задумываясь, принести в жертву частное ради всеобщего, но тот, кто, отстаивая себя в борьбе противоречий, сознательно формируется и достигает понимания необходимости заботы о себе самом как о всеобщем самосознании. Равным образом и тот, кто довлел над предпринимателем отрицанием его частного интереса, теперь находит своей сущностью заботу о нем, поскольку его благонадёжность составляет субстанцию устойчивости сторон, которые на деле примиряются. Иными словами, подлинный предприниматель достигает разумного компромисса с обществом и государством отстаиванием своего частного интереса как интереса общезначимого. А общество и государство, в свою очередь, также доказывают, что достойны такого предпринимательства, поскольку определили свою природу и свое существование через разумное понимание частного и индивидуального, преодолев как абстрактно-негативное отношение к нему, так и узко-мещанские, прагматические взгляды на природу частной инициативы.

Исходя из вышеизложенного следует сделать вывод о том, что практическое воплощение того образа предпринимателя, который выдерживает бремя диалектики господина и раба и формируется как благородный патриот, требует соответствующей этики. И уже сейчас необхо-

димом сформулировать ее концепцию на общенациональном уровне, чтобы заложить фундамент духовной поддержки российского предпринимательства в условиях сложных общемировых процессов и глубинной трансформации экономических, политических и социальных институтов. Такая концепция должна определить всю ценностную систему бизнес-отношений.

На сегодняшний день все мировые предпринимательские системы базируются на присущих им исторически религиозно-этических основаниях, коренящихся в духе создающего их народа. Американский бизнес полностью подчинен протестантской хозяйственной этике с элементами хозяйственной этики иудаизма. В Европейском союзе хозяйственная этика классического протестантизма взаимодействует с англиканской и католической этическими традициями. Китай базируется на хозяйственно-этических ценностях конфуцианства, дополненного экономическими идеями марксизма и коммунизма. Исламский бизнес сочетает мусульманские хозяйственно-этические ценности и традиции с «большой западной» предпринимательской этикой, включая и социалистические идеи. Аналогичные процессы характерны и для «национально-этической экономической матрицы» Японии, что стало, в свое время, первопричиной «японского экономического чуда».

Таким образом, на сегодняшний день, все самые крупные и успешные экономики мира имеют прочные этико-предпринимательские ценностные системы, которые обеспечивают стратегическую прочность бизнеса в этих странах. Трагическим исключением выступает современная Россия, которая, в свое время, полностью отказалась от православно хозяйственной этики («этики купеческого слова» и т.д.) в угоду материалистической, ценностно и идейно пустой «этике сталинского и затем хрущевско-брежневского развитого социализма», что в 1990-е годы выродилось в ельцинский олигархат и мафиозные этические квазиценности «жизни по понятиям». За прошедшие четверть века после этого, несмотря на все положительные достижения современного российского государства в области здоровой исторической памяти, национально-исторического самосознания России, социально-консервативной идеологии и аксиологии

патриотизма, в области единой этики российского предпринимательства не было достигнуто нужных результатов. Идеино и ценностно современный российский крупный и средний бизнес дезориентирован и разобщен. Вместе с тем, следуя своему собственному закону развития, наша страна прошла все основные ступени развития исторического процесса. Но с середины XX века происходит насильственное препятствование развитию индивидуального интереса, что в результате приводит к утрате государством всеобщей цели — органического единства государства и индивидуального интереса, уничтожившей государственную форму социализма. Индивидуальный интерес оказался вне интереса государства, а интерес государства выступил вне интереса индивида. Общество оказалось отчужденным от государства, а государство — от общества. В этом заключается основное препятствие для исторического развития всеобщей разумности во всех сферах российского бытия, а именно, препятствие в преодолении конечных абстрактных форматов господско-рабских взаимоотношений. Этому препятствует и кризис обычного для культуры и экономики XX века формально-логического, рассудочного прагматистского мышления, столь характерного для современной технократической и потребительской цивилизации. В посткризисном мире этот тип мышления постоянно обнаруживает свою односторонность и, следовательно, невозможность дальнейшего развития в прежнем виде. В данном случае речь идет о тотальном кризисе не мышления как такового (будучи абсолютным по своей природе оно не может подвергаться каким либо кризисам), а именно его абстрактной формы — рассудочного мышления в его метафизико-догматических или эмпирико-позитивистских формах — в данном случае они тождественны друг другу по своей сути. Если этот тип мышления не стремится к прогрессу, к снятию своей односторонности в системе всеобщего разумного мышления, то он неизбежно деградирует, откатывается назад — в сферу чувственности, мифологического знания, оккультизма, мистики, конспирологии и т.д. Потому конфликт господина и раба остается неразрешенным, ведь каждая из сторон продолжает застревать в картине мира абстракций своего рассудка. Но всеобщая отрицательность кризисного и

затем посткризисного мира должна стать предметом положительного разумного мышления, которое диалектически снимает эту отрицательность, подвергает ее саму отрицанию и тем самым разумно завершает всемирно-исторический процесс.

Очевидно, что кризис современности стал кризисом, в первую очередь, христианского мира в его западной — протестантской, во главе с англосаксонским миром Британии и США и восточной — православной, во главе с Россией, цивилизациями. Диалектический анализ этого мирового кризиса свидетельствует о том, что русский народ, как народ европейско-христианского человечества, является одним из необходимых элементов общеисторической идеи. Идея есть всеобщее этого народа. И она может быть до конца понята только на уровне философствующего разума. России необходимо определиться в понимании того, что есть идея человеческого рода как конкретно-всеобщий духовный процесс, и понять, что представляет она собой как момент этой всеобщности. Именно интеллектуальные (разумные) начала определяют Россию как «интегральную» самобытную цивилизацию «поствизантийско-неоевразийского» исторического паттерна, нацеленную на продолжение духовно-исторической эстафеты мировой интеллектуальной истории от Греческого мира (Античность и Византийское православие) — через уже пройденные и реализовавшие себя главные формы Европейско-христианского («евроатлантического») мира: британскую («англо-саксонскую», включая США), французскую и германскую. Действительная идея Русского мира как субстанциональной основы России-цивилизации, заключается в том, чтобы благодаря своей традиции разумного мышления осуществить великое интеллектуально-цивилизационное снятие противоречия господства и рабства, достигнув синтеза принципов рассудочного мышления Запада и Востока в единой системе разумного способа бытия духа. Реализация Россией этой цивилизационной миссии должна стать фактором преодоления современным человечеством того глубочайшего интеллектуально-нравственного кризиса, в котором оно оказалось в первой четверти XXI века.

Внутреннее сближение западной и восточной ветвей христианства требует интеграции, снимающей прежнюю односторонность каждой стороны. Не случайно русские философы — от Чаадаева до Лосева — развивали идею общего духовного наследия человечества, преодолевающего различия между народами и культурами. С этой точки зрения, действительная миссия России заключается в интеллектуализации и универсализации христианской духовности, преодолении абстрактно-позитивистской рассудочности англо-саксонского мира и развития культуры всеобщего разумного мышления классической философии и теологической традиции монотеистических авраамических религий, как традиционных религий России. Результат этого всемирно-исторического развития — действительное, т.е. полностью соответствующее своему понятию христианское европейское человечество.

Россия должна дать ответ на ключевой для себя вопрос: станет ли она «лабораторией» нового для нее феномена духовности — феномена разумной субстанциальности во всех сферах ее политики, как внутренней, так и внешней, являющегося результатом снятия диалектики господина и раба, или сохранит архаичные модели? От этого зависит, будет ли предпринимательским сообществом России тотально усвоен очерченный выше идеальный образ предпринимателя и будет ли он массово воплощён в действительность. Иными словами, речь идёт о том, будет ли процесс господско-рабских отношений иметь свое логическое завершение и станет ли его результатом такое образование разумно мыслящих субъектов, которое сделает их достойными друг друга. Предприниматель-патриот, достойный своего государства, не появится в недостойном его государстве, а достойное такого предпринимателя государство, в свою очередь, не возникнет, если предпринимательство не патриотично и не благонадежно. Поэтому прорыв совершится только тогда, когда, образовав единство духовной силы через развитие противостояния господина и раба и снятие его противоречий, создавая такое единство и помня о каждом отработанном «потом и кровью» этапе своего духовного роста и борьбы на пути к его достижению, стороны начнут выстраивать свою практику сообразно ему и удерживать ее противоречия разумным обра-

зом во всех сферах взаимодействия — в общественно-политической, религиозной, в художественно-эстетической и др.

Следует еще раз подчеркнуть, что истоки этой диалектики связаны с христианской идеей преодоления односторонности принципов господства и рабства в рамках духовного движения к свободе богочеловечество единства. Это хорошо известное евангельское отношение Христа к своим ученикам, к своей духовной общине — Церкви, где все «соратники Божии» и где первые могут стать последними и наоборот (Мф., 20, 17). В Послании к Галатам (3:28-29) сказано: «Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе». То есть противоречие между предпринимательской инициативой и религиозным смирением снимается в активной реализации предпринимателем божественных заповедей, которые несут в себе общечеловеческое содержание. Предприниматель — субъект (господин) своих решений и действий, но ответственен он за их последствия перед Богом (господином в абсолютном смысле). Противоречие между обеспеченным свободным образом жизни предпринимателя и религиозным аскетизмом находит своё разрешение в умеренности, скромности, отказе от чрезмерной роскоши и прочих излишеств. Излишества религиозное сознание рассматривает как страсти, порабощающие человека, создавая иллюзию исполнения желаний, на самом же деле порождая новые желания и новые способы их удовлетворения. Противоречие между обогащением (богатством) предпринимателя и религиозными предписаниями необходимости перераспределения доли богатства в пользу неимущих снимается в добродетели благотворительности.

Как известно, религии на протяжении своей долгой истории выработали универсальные нормы добродетельного поведения, но эта универсальность утрачивается в результате доминирования конфессиональных различий, выражающих групповые предпочтения. По этой причине перед предпринимателем, имеющим цель выстроить неконфликтные отношения с представителями различных религий и иных общностей, стоит задача видеть в их поведении и мировоззрении не столько специфические черты, связанные с соблюдением конфессиональных ограничений

и предписаний, сколько выражение стремления к абсолютному благу — стремления, реализуемого религиозным человеком через соблюдение заповедей, а добродетельным гражданином — в служении общественному благу. Авраамические религии в целом утверждают общие ценности, но сохраняют много отличий в ритуалах и в способах организации экономики, поэтому приходится искать иные основания для совместной ценностно ориентированной деятельности. Таким основанием является новая этика предпринимателя.

Формирование такой этики означает определение устойчивых этических категорий и норм, признаваемых в качестве основополагающих и разделяемых всем сообществом предпринимателей вне зависимости от конфессиональной принадлежности. Кажется очевидным, что в основе такой этики должны лежать совесть, ответственность, справедливость, порядочность, благонадежность и, конечно, любовь к своему отечеству. Но за каждым из этих понятий стоит конкретное содержание, которое может варьироваться в зависимости от исторических условий, культурных традиций, религиозных убеждений и индивидуальных предпочтений каждого предпринимателя. Поэтому важно не только провозгласить эти ценности, но и постоянно уточнять их смысл, согласовывать интерпретации внутри делового сообщества, вырабатывать механизмы контроля и поощрения соблюдения общепринятых норм. Это позволит создать эффективную систему саморегуляции бизнеса, повысить доверие среди участников рынка и укрепить репутацию российского предпринимательства как укорененной в национальных традициях, при этом открытой для внешнего диалога.

Однако велик соблазн морального редуccionизма и релятивизма, мешающих развитию нравственного сознания предпринимателя. А любой редуccionизм грешит искусственным сужением и упрощением этических категорий, принципов и задач, тогда как моральный релятивизм лишает этику ее предписывающего характера, что снижает ее общественную значимость. Из этого следует, что новая этика предпринимательства требует выработки нового общественного договора по поводу принципов организации жизненного пространства внутри российского государства. И

этот договор центрируется не вокруг личности какого-то конкретного лидера, а на моральном коллективном осознании необходимости кооперации и ценности диалога во имя общей цели. Предпринимательское сословие, мыслящее себя в качестве структурообразующей единицы нового общества, должно формировать пространство такого кооперативного взаимодействия через социально ответственное действие и развитие личной моральной и интеллектуальной добродетели, поскольку стремление к абсолютному благу есть служение общественному благу благоразумного и мудрого в практическом отношении гражданина — френимоса («цсьнймпт») (в терминах Аристотеля). Френимос — тот, кто умеет правильно рассуждать о частных действиях, выбирая среднее между избытком и недостатком, удачно сочетает теоретическое знание и способность к действию: знает не только то, что истинно, но и что следует делать, а также обладает нравственными добродетелями: честью, смелостью, умеренностью, — поскольку френизис направляет волю и чувства. Практическая мудрость — это не частная склонность, а способность руководить действиями в направлении блага как личного, так и общего, поскольку благополучие отдельного человека связано с благом политического сообщества. Френимос, действуя правильно в частных делах, способствует и общественному благу, поскольку добродетельные поступки индивида укрепляют нрав и порядок в обществе, а его решения ориентированы на справедливую меру. В этом смысле френимос служит нравственным образцом: его поведение воспитывает граждан, формирует привычки (ἔθις) и общественные добродетели [1, с. 172-190]. При этом преобразующая общество роль предпринимательства требует от конкретного бизнесмена выработки персональной стратегии самосовершенствования как на рациональных основаниях, так и с учетом нравственной интуиции.

В этом смысле уместно вспомнить в этом контексте философское эссе 1784 г. И. Канта «Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?», в котором он провозгласил *sapere aude!* — «имей мужество пользоваться собственным умом» [5, с. 29] — в качестве центрального требования просветительской эпохи к преодолению интеллектуального инфанти-

лизма. По Канту, этот инфантилизм представляет собой стойкое психоэмоциональное состояние индивида, выражающееся в его неспособности и нежелании к автономному мышлению вследствие привычки полагаться на готовые суждения и внешние регуляторы. Причины такого состояния носят как эндогенный, так и экзогенный характер. К эндогенным факторам он относит снижение активности когнитивных процессов, психологическую инертность и тревогу, связанную с ответственностью за выбор собственного пути, а также страх ошибочного решения. Экзогенные детерминанты проявляются через социальные и институциональные структуры: религиозные предписания, авторитетные научные традиции, политические доктрины, этнокультурные установки, массовые нормы поведения и давление социальных иерархий, которые формируют и закрепляют зависимое мышление «раба».

Любопытно, что и Кант, и Гегель затрагивают проблему автономного сознания и его освобождения от зависимости от религии, политической доктрины, устоявшихся навязываемых внешней силой норм и т.п. Но решают они ее по-разному: Кант предлагает нормативный императив (автономное мышление — обязанность просвещённого субъекта, тогда как просвещение достигается через публичное использование разума), а Гегель описывает исторический процесс, в ходе которого самосознание развивается диалектически через конфликт и практическую работу (раб через труд и страх смерти преобразует свою самость), что ведёт к переоценке статусов и форм самосознания. Кант акцентирует внимание на личной ответственности и моральной мужественности мыслить самостоятельно, Гегель же дополняет это рассуждение анализом роли межсубъектных отношений (вражда, подчинение, признание) в формировании самосознания исторической личности. У Гегеля главное — материальная и практическая деятельность раба (труд), которая трансформирует не только мир, но и его внутреннее самосознание. А у Канта публичное использование разума (публичная дискуссия, образование) — способ преодолеть инфантилизм, но акцент остаётся на нормативной воле к свободе мыслить. Кантовский призыв «*sapere aude!*» и гегелевская диалектика господина и раба — это разные методологи-

ческие подходы к одной проблеме: как сознание освобождается от зависимости и обретает автономию.

Так или иначе этика требует нравственного напряжения, автономии человека, а не простого следования кем-то уже установленным нормам. Новая этика не эффективна без здорового, разумного эгоизма, и быть нравственным вовсе не означает пренебрегать собственными интересами. Новая этика — это форма нового общественного договора, в котором предприниматель рассматривается не только как действующий в логике целерационального действия, но как государственный, способный менять себя и окружающую действительность благодаря в том числе своей способности к автономному, независимому ценностному суждению. Только так может быть сформирован устойчивый образ благородного хозяйственника, наследующего отечественные предпринимательские традиции и одновременно представляющего собой новый антропологический и культурный тип русского мецената, совмещающего безукоризненный эстетический вкус со способностью к самостоятельной (то есть свободной и добровольной) выработке и удержанию ценностной парадигмы, укорененной в его конкретной профессиональной и ответственной публичной практике. Не случайно великий русский философ Н.А. Бердяев, рассуждая о гегелевской диалектике раба и господина, заметил, что «свободный есть существо самоуправляющееся, а не управляемое, не самоуправление общества и народа, а самоуправление человека, ставшего личностью. Самоуправление общества и народа есть ещё управление рабами. Изменение направления борьбы за свободу человека, за появление свободного есть прежде всего изменение структуры сознания, изменение установки ценностей [...]. Это внутренняя глубинная революция, совершающаяся в экзистенциальном, а не историческом времени [...]. Господин и раб будут делать нечеловеческие усилия помешать концу объективации, «концу мира», наступлению царства Божьего — царства свободы и свободных, они будут создавать все новые формы господства и рабства, будут совершать новые переодевания, все новые формы объективации, в которых творческие акты человека будут претерпевать великие неудачи, будут продолжаться пре-

ступления истории. Но свободные должны готовить своё царство, не только «там», но и «здесь» и прежде всего готовить себя, себя творить свободными, личностями. Свободные берут на себя ответственность. Рабы не могут готовить нового царства, к которому, в сущности, и слово царство неприменимо, восстание рабов всегда создает новые формы рабства. Только свободные могут возрастать для этого» [2, с. 31–32].

Список литературы

1. Аристотель. Никомахова этика. Соч. в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
2. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. М.: АСТ, 2010. 316 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Система наук. Часть 1. Феноменология духа. СПб: Наука, 1999. 444 с.
4. Егорова В. Путин: быть предпринимателем — патриотичное и благородное дело. Источник: RGRU. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2025/01/23/putin-byt-predprinimatelem-patriotichnoe-i-blagorodnoe-delo.html> (Дата обращения: 09.09.2025).
5. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? Соч. в 8-ми т. Т.8. М.: Чоро, 1994. 718 с.
6. Национальный проект «Эффективная и конкурентная экономика». Источник: сайт Правительства РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/ru/govclassifier/921/events/> (Дата обращения: 09.09.2025).
7. Пора предпринимать? Мониторинг 1992–2022. Источник: ВЦИОМ Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pora-predprinimat-monitoring-1992-2022> (Дата обращения: 09.09.2025).
8. Соловьёв В.С. Чтения о богочеловечестве. М.: Академический Проект, 2011. 293 с.
9. Социологи обнаружили незначительное снижение числа верующих в РФ // НГ-религии, 17.06.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2025-06-17/10_597_religion.html?ysclid=mewahl29sp684822635 (Дата обращения: 29.08.2025).
10. Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. 112 с.

Астапов С. Н., Бойко П. Е., Зотова И. В., Углева А. В., Фетисов С. Д.
Новая этика российского предпринимательства
в свете гегелевской диалектики господина и раба

References

1. Aristotel'. (1983). *Nikomaxova e'tika* [Nicomachean Ethics]. Soch. v 4-x t. T. 4. M.: My'sl'. 830 p.
2. Berdyaev N.A. (2010). *O rabstve i svobode cheloveka* [On Slavery and Freedom of Man]. M.: AST. 316 p.
3. Gegel' G.V.F. (1999). *Sistema nauk* [System of Sciences]. Chast' 1. Fenomenologiya duxa. SPb: Nauka. 444 p.
4. Egorova V. *Putin: byt' predprinimatelem – patriotichnoe i blagorodnoe delo* [Putin: Being an entrepreneur is a patriotic and noble endeavor]. Available from: <https://rg.ru/2025/01/23/putin-byt-predprinimatelem-patriotichnoe-i-blagorodnoe-delo.html> [Accessed 9th September 2025].
5. Kant I. (1994). *Otvet na vopros: Chto takoe Prosveshhenie?* [Answer to the Question: What Is Enlightenment?]. Soch. v 8-mi t. T.8. M.: Choro. 718 p.
6. *Nacional'ny'j proekt «Effektivnaya i konkurentnaya ekonomika»* [National Project "Effective and Competitive Economy"]. Available from: <http://government.ru/rugovclassifier/921/events/> [Accessed 9th September 2025].
7. *Pora predprinimat'? Monitoring 1992–2022* [Time to Act? Monitoring 1992–2022]. Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pora-predprinimat-monitoring-1992-2022> [Accessed 9th September 2025].
8. Solov'yov V.S. (2011). *Chteniya o bogochelovechestve* [Lectures on God-Humanity]. M.: Akademicheskij Proekt. 293 p.
9. Sociologi obnaruzhili neznachitel'noe snizhenie chisla veruyushhix v RF [Sociologists have found a slight decrease in the number of believers in Russia] V: NG-religions, 17.06.2025. Available from: https://www.ng.ru/ng_religii/2025-06-17/10_597_religion.html?ysclid=mewahl29sp684822635 [Accessed 29 August 2025].
10. Xabermas, Yu., Ratsinger, J. (Benedikt XVI). (2006). *Dialektika sekulyarizacii. O razume i religii* [Dialectics of Secularization. On Reason and Religion]. M.: Biblejsko-bogoslovskij institut sv. apostola Andreyana. 112p.